

Тайна манускрипта

Марина Винтерс

Марина Винтерс
Тайна манускрипта

«Автор»

2026

Винтерс М.

Тайна манускрипта / М. Винтерс — «Автор», 2026

Аннотация После убийства герцогини исчезает древний манускрипт, способный решить судьбу спорных земель. Вместе с ним пропадает завешание, подтверждающее право наследника рода владеть ими. Под подозрение попадает молодой рыцарь — человек, оказавшийся рядом с преступлением. Однако вскоре на него совершают покушение, и он понимает: его хотят не судить, а устранить. Скрываясь от преследователей, юноша вынужден объединиться с мелким вором, пронырливым бродягой, чья упрямая лошадь постоянно превращает опасные побег в нелепые приключения. Тем временем дочь епископа Венедикта II, начинает собственное расследование. Найдя манускрипт в отцовском архиве, она крадёт завешание и впервые открыто выступает против отца. Пока герои пытаются восстановить правду, число покушений растёт, а церковная власть всё теснее затягивает вокруг них сеть. Им предстоит выяснить, кто стоит за убийством герцогини и что окажется сильнее — древнее право, страх или жажда власти.

© Винтерс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом Робера Де Ловель.	5
Глава 3. Тайник	11
Глава 4. Ночь и кровь	13
Глава 5. Обвинение	15
Глава 6. Суд и слёзы	18
Глава 7. Тень в покоях епископа	21
Глава 8. Похороны Клары	24
Глава 9. Люсиль	26
Глава 10. Фальк	28
Глава 11. Нотариус.	30
Глава 12. Замок тёти	33
Глава 13. Побег Анри	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Винтерс

Тайна манускрипта

Глава 1. Дом Робера Де Ловель.

Земли Робера раскинулись широко и щедро, будто сама природа однажды решила задержаться здесь дольше, чем в прочих местах, и так и осталась, не желая уступать это пространство ни засухе, ни бедности, ни чьей-то жадности. Весной поля здесь поднимались густой, ровной зеленью, и по ним шёл мягкий ветер, приносящий запах влажной земли, молодой травы и цветущих садов. Летом склоны светились под солнцем золотом спелого хлеба, а виноградники тянулись по южным откосам тяжёлыми рядами, где листья шуршали так плотно, будто скрывали в себе не только плоды, но и саму тишину. Осенью амбары наполнялись до крыш, и телеги одна за другой поднимались к замку, нагруженные зерном, яблоками, сыром, тканями, мешками с мукой и всем тем, что делает землю не просто владением, а настоящим богатством. Сам замок стоял высоко и уверенно, и его камень, светлый днём и тёплый на закате, казался впитанным в эту землю так же глубоко, как корни старых деревьев в нижней долине. Он не выглядел суровым и мрачным, как многие крепости, предназначенные только для войны. В нём было больше достатка, чем угрозы, больше прочности, чем показной силы. Широкие башни поднимались над стенами, окна были не узкими щелями, а настоящими проёмами, через которые в залы входил свет, а внутренние дворы держали простор, редкий для столь знатного дома. Здесь чувствовалось, что у хозяина не только есть чем обороняться, но и есть что беречь. У подножия стен раскинулись сад и огороды, а чуть дальше, за внешним кольцом строений, начинались хозяйственные дворы, конюшни, винные погреба и амбары. Всё было устроено с расчётом, но без скучной строгости; в этом месте порядок не подавлял жизнь, а поддерживал её. Даже вода в каменных корытах у ворот казалась чище, чем в других землях, а лошади, стоявшие под навесами, были откормлены и спокойны, будто знали, что служат не бедному дому, а богатому и сильному. Анри видел это не раз, но всякий раз, когда он поднимался к замку по извилистой дороге из долины, у него возникало одно и то же чувство: будто он входит не просто в крепость, а в живое, выстроенное поколениями достоинство. Здесь всё говорило о давнем благополучии — в камне, в саду, в изгибе дорожек, в тяжести дубовых ворот, в том, как уверенно держались на ветру флаги над башнями. И всё же в это утро над всей этой красотой уже лежало едва заметное, почти неуловимое напряжение — как тонкая тень на солнечном склоне, которую замечаешь не сразу, но которая меняет всё, стоит только взглянуть внимательнее. Анри остановился у наружной террасы, откуда весь замок открывался сразу — с башнями, галереями, внутренними дворами и белыми стенами, врезающимися в зелень холмов. Рядом с ним, чуть позади, топтался Жужфуа, который уже успел нахмуриться, будто мир в очередной раз показал себя не с лучшей стороны.

— Если всё так красиво, — пробормотал он, оглядывая тучные склоны и ухоженные сады, — то, значит, кто-нибудь непременно захочет это отнять.

Анри не ответил. Он смотрел вниз, туда, где дорога из долины сворачивала к воротам, и видел, как по ней медленно поднимаются люди в церковных плащах. Их появление не было резким — напротив, они двигались так размеренно и чинно, что казались частью самого пейзажа. Но именно эта размеренность и заставляла насторожиться. На фоне богатых земель, полных жизни и света, фигуры епископских людей выглядели как тёмная нить, неожиданно легшая на яркую ткань. Впереди двигался Венедикт II. Он ехал неторопливо, уверенно, с тем безошибочным видом человека, который привык входить в чужие владения как в собственное право. Его сопровождение было небольшим, но тщательно подобранным, и в каждом жесте

его людей чувствовалась выученная сдержанность. Они не торопились, не шумели, не переглядывались — словно уже заранее знали, что здесь им не придётся ни просить, ни ждать. Клара вышла навстречу только тогда, когда вся процессия уже приблизилась к воротам. Она появилась из внутреннего двора, и её фигура на мгновение будто собрала на себе весь свет. Одежда на ней была тёмной, но богатой, с тонкой вышивкой по рукавам и вороту; ткань лежала тяжело и достойно, как и полагалось вдове одного из самых знатных людей этой земли. Лицо её оставалось спокойным, хотя в этом спокойствии уже чувствовалась усталость, которую не сразу замечаешь, пока не услышишь тишину в голосе. Венедикт II спешил первым и склонил голову с точностью человека, умеющего быть благочестивым тогда, когда это выгодно.

— Сестра моя, — сказал он мягко, — я прибыл разделить вашу скорбь и поддержать дом Робера в трудный час.

Клара не сделала ни шага вперёд.

— Дом Робера, — ответила она ровно, — никогда не нуждался в той поддержке, которая приходит вместе с притязанием.

У Венедикта едва заметно дрогнуло лицо, но он тут же скрыл это под выражением скорбной благожелательности. Анри почувствовал, как Жуффуга рядом тихо вдохнул сквозь зубы.

— Вот теперь, — прошептал тот, — и начнётся настоящее богослужение.

Анри не улыбнулся. Он только ещё внимательнее посмотрел на епископа. В этой почти безупречной учтивости было что-то опасное: не грубая сила, а давление, мягкое и потому особенно прочное. Венедикт смотрел на замок так, как смотрят не на дом скорбящей вдовы, а на богатую добычу, которую пока ещё надо взять красиво. И всё же даже это было не самым тревожным. В самом воздухе, в движении света по стенам, в том, как птицы вдруг стихли на дальних крышах, уже появлялось ощущение приближения чего-то, что ещё не проявило себя полностью.

Тишина вокруг замка стала плотнее, и от этой плотности ветер, проходивший по башням, казался холоднее, чем должен был быть в ясное утро.

Венедикт II лишь слегка наклонил голову, принимая колкость с непроницаемой улыбкой пастыря, привыкшего прощать заблудших.

— Скорбь ожесточает даже самые благородные сердца, сестра моя, — произнёс он вкрадчивым, мягким голосом, в котором, однако, отчётливо звенела скрытая власть.

— Но церковь не притязает — она оберегает. Долг мой как духовного наставника и душеприказчика покойного герцога — не только вознести молитвы за упокой его мятежной души, но и позаботиться о земном благополучии тех, кого он оставил.

Он сделал неторопливый шаг вперёд, вынуждая окружающих расступиться, и окинул сводчатые галереи замка хозяйским, оценивающим взглядом.

— В столь смутное время, когда вокруг рыщут стервятники, жаждущие поживиться чужим наследством, женские плечи не должны нести непосильное бремя. Слишком много сомнительных лиц кружит возле владений де Ловель.

Венедикт на мгновение задержал холодный взгляд на Анри, словно невзначай давая понять, кого именно он причисляет к этим лицам, после чего вновь обратился к Кларе:

— Дабы избежать кривотолков, смуты и посягательств на родовую честь, я предлагаю совершить заупокойную службу в замковой капелле. А после — передать все семейные архивы, дарственные грамоты и последние распоряжения покойного Робера на временное хранение в епископат.

Клара даже не шелохнулась, но её пальцы, лежавшие на складках платья, побелели от скрытого напряжения.

— На хранение? — тихо переспросила она.

— Исключительно ради безопасности, — заверил епископ, приложив руку к наперсному кресту.

— До тех пор, пока королевский суд и духовная курия не удостоверят подлинность всех прав на титул и владения. Церковная печать убережёт бумаги от кражи и подделок надёжнее любого замкового гарнизона.

За спиной Клары послышался глухой ропот стражи, но вдова подняла руку, требуя тишины. Её глаза, тёмные и пронизательные, встретили взгляд епископа без тени страха:

— Печать епископата крепка, ваше высокопреосвященство. Но память моего супруга и права его дома покоятся не в пергаментях, а в верности тех, кто делил с ним этот кров. Бумаги герцога Робера останутся там, где он их оставил.

Воздух во дворе словно сгустился; учтивая вежливость между гостем и хозяйкой истончилась до предела, готовая вот-вот обернуться открытой войной. Венедикт не ответил сразу. На мгновение его благочестивая маска дала едва заметную трещину, и в глубине светлых, прозрачных глаз мелькнула холодная, хищная искра человека, не привыкшего встречать отпор там, где ожидал покорности. Однако лицо его тут же вновь приняло выражение мягкого, почти отеческого сожаления.

— Да простит вам Господь эту гордыню, сестра моя, — произнёс он негромко, но так, что каждое слово отчётливо разнеслось под сводами аркады.

— Истинно сказано: упорство слепцов ведёт их к падению. Я молю Всевышнего лишь о том, чтобы стены этого замка оказались столь же крепки, сколь непоколебима ваша слепота к надвигающейся буре.

Он медленно перевёл тяжёлый, пронизывающий взгляд на Анри. Юноша не опустил глаз и не отступил, ответив на этот немой вызов открытой, спокойной решимостью. Епископ едва заметно прищурился, словно окончательно оценивая вес и значение новой фигуры на шахматной доске, после чего плавно развернулся, и полы его пурпурной мантии прошуршали по холодным каменным плитам.

— Свита ожидает в капелле, — бросил он через плечо, уже не глядя на вдову.

— Мы помолимся об усопшем. И о спасении тех, кто пока ещё дышит под этой крышей.

Шествие двинулось следом за ним. Звякнули шпоры стражников, глухо застучали копыта коней, которых слуги уводили на конюшню, и свита епископа потянулась к тёмному зеву внутреннего портала, оставляя за собой тяжёлый запах ладана, дорожной пыли и затаённой угрозы. Только когда последний всадник скрылся в тени галереи, Клара позволила себе закрыть глаза. Её плечи едва заметно дрогнули, сбрасывая нечеловеческое оцепенение, но уже в следующее мгновение она вновь выпрямилась во весь свой царственный рост. Она повернулась к Анри. В её взгляде не осталось и следа прежней усталости — лишь ясная, пугающая решимость обречённого, знающего цену грядущей битве.

— Они пришли не молиться, Анри, — тихо произнесла она, и голос её дрогнул, словно натянутая струна.

— Они пришли забрать саму память о моем супруге. И если мы дрогнем сегодня — завтра от дома де Ловель останется лишь прах. Ветер над замком закружил сухую листву, срывая её с зубчатых стен, и древние камни крепости глухо отозвались на этот порыв, будто предчувствуя, что перемирие кончилось, и впереди их ждёт самая долгая и беспощадная осада.

Глава 2. Последствия смерти Робера

Когда ворота замка закрылись за епископской свитой, дом ещё долго не мог вернуться к обычному дыханию. Всё в нём будто застыло: шаги стали тише, голоса — осторожнее, даже скрип половиц теперь звучал так, словно боялся потревожить память о случившемся. Смерть Робера была слишком внезапной. Ещё совсем недавно он был здесь — крепкий, властный, привычный к оружию и к тяжёлым решениям. Его голос звучал в залах коротко и уверенно, и никто не сомневался, что дом стоит прочно, пока он жив. А теперь на его месте остались тишина, свечной воск и подавленные лица слуг, которые старались не смотреть друг на друга слишком долго. Анри стоял у окна внутреннего двора и следил, как по дороге удаляется епи-

скопская процессия. Венедикт ехал прямо, спокойно, с той холодной осанкой, которая особенно раздражает, когда за ней чувствуется недоброе. Он не спешил, но и не задерживался, будто уезжал не после скорбного визита, а после дела, которое ещё не считал завершённым. Анри не отрывал от него взгляда, пока всадники не скрылись за поворотом.

— Уехал, — тихо сказала Клара. Она подошла неслышно, как всегда умела. Лицо её было бледным, но держалась она прямо. Не сломленная — лишь сдержанная до предела. Анри повернулся к ней.

— Слишком быстро для человека, который пришёл разделить горе. Клара не ответила сразу. Её взгляд был прикован к дороге, будто она ещё надеялась увидеть там что-то важное.

— Слишком быстро, — повторила она наконец. — И слишком уверенно. Он вошёл в дом так, словно знал, зачем пришёл. Она чуть сжала пальцы, потом медленно разжала их. — Первым делом он заговорил о том, что всё важное нужно взять под своё хранение. Анри нахмурился.

— И вы ему не отдали?

— Нет, — это прозвучало коротко и жёстко.

Внизу, во дворе, раздалось негромкое фыркание. Жуфффа возился у конюшни со своей лошадью. Сам он был худощав, ловок и вертляв, как человек, привыкший жить не силой, а сноровкой. Лошадь же, крупная, сытая и удивительно надменная, стояла с таким видом, будто именно ей принадлежал весь двор, а люди лишь случайно мешались у неё под ногами. Жуфффа что-то ей шептал, тянул за повод, пытался удержать на месте, но лошадь упрямо отворачивала голову и время от времени демонстративно поглядывала на него, как на не слишком достойного спутника. Анри на миг отвлёкся, глядя на эту пару, и почти сразу снова сосредоточился на Кларе. Она уже собиралась продолжить, когда к ним подоспел молодой оруженосец Робера. Лицо у него было бледным, а движения выдавали нервную поспешность человека, который долго не решался заговорить и теперь боялся, что заговорит слишком поздно.

— Госпожа... — начал он и осёкся. Клара обернулась к нему.

— Говори.

Юноша поклонился слишком резко и неловко.

— Я осматривал доспехи господина Робера, — сказал он.

— И заметил странность. Анри насторожился.

— Какую?

Оруженосец сглотнул.

— Один из ремней был испорчен. Не в бою. До боя. Его ослабили заранее. Так, чтобы это не бросилось в глаза сразу, но чтобы в нужный момент защита подвела. Внутри у Анри что-то холодно сжалось. Клара смотрела на оруженосца не мигая.

— Ты уверен?

— Не до конца, госпожа. Но... — он замялся, потом всё же продолжил:

— И ещё рана была странная. Лёгкая. Не смертельная на вид. А он умер слишком быстро. Это не похоже на обычную смерть от удара. Тишина стала совсем плотной. Клара медленно опустила взгляд на собственные руки.

— Значит, дело не только в ране, — произнесла она почти шёпотом. Оруженосец кивнул.

— Я подумал... может быть, лезвие меча соперника было отравлено. Не знаю. Но что-то было не так.

Анри посмотрел на него внимательнее. Юноша явно говорил правду, но сам до конца не понимал, насколько страшным было то, что он увидел. Клара молчала довольно долго. Потом тихо сказала:

— Если это так, то смерть Робера была не случайной.

Анри перевёл взгляд на неё.

— Вы думаете...

— Я думаю, что слишком многое совпало в один день.

Она подняла глаза.

— И сам день начался с визита моего брата.

Слова её стали ещё холоднее.

— Венедикт приехал почти сразу после смерти Робера. Слишком быстро. И первым делом заговорил о том, что всё ценное и важное нужно передать ему.

Анри промолчал. По тону Клары было ясно, что и без того сказано достаточно.

Тут вперёд вышел Адемар. Он стоял немного в стороне и, по обыкновению, слушал, не вмешиваясь. Пожилой рыцарь, дядя Робера и последний живой представитель рода де Ловель, выглядел усталым, но собранным. Смерть племянника потрясла его, однако он уже понимал: скорбеть придётся позже.

— Медлить нельзя, — произнёс Адемар.

Клара повернулась к нему.

— Что вы намерены делать?

— Ехать к сюзерену. Я должен принести клятву верности от имени дома и подтвердить права рода на владения. Если этого не сделать вовремя, найдутся те, кто попытается воспользоваться смертью Робера.

— А замок?

— Останется под вашей защитой.

Адемар посмотрел на Анри.

— И под его защитой тоже.

Анри молча кивнул. Адемар уже направился к выходу, но вдруг остановился. Его взгляд стал серьёзнее.

— Есть ещё одно дело. О нём не должен знать никто, кроме нас троих.

Клара напряглась.

— Что случилось?

— В замке спрятан тайник. Его необходимо охранять и никому не позволить его обнаружить.

— Что там?

Адемар ответил не сразу.

— Древний манускрипт. Он подтверждает права нашего рода на владения земель и хранит сведения, которые могут иметь значение для наследования. Если он попадёт не в те руки, его используют против нас.

Клара посмотрела на него с тревогой.

— Венедикт знает о нём?

— Он знает достаточно, чтобы искать. Но не должен знать, где именно тайник.

Адемар перевёл взгляд на Анри.

— Поэтому будь осторожен. Не доверяй незнакомым людям, следи за воротами и не позволяй никому осматривать старую часть замка без твоего присутствия.

— Я понял, — сказал Анри.

— И ещё: не пытайтесь переносить манускрипт без крайней необходимости. Пока он скрыт, это наша лучшая защита.

Адемар говорил только то, что знал сам.

— Я уезжаю до завтра, — сказал он.

— До моего возвращения замок не должен оставаться без охраны. Он вышел. Клара некоторое время смотрела ему вслед.

— Ты слышал, — сказала она Анри.

— Да.

— Тогда теперь понимаешь, насколько опасен отказ епископу. Анри снова взглянул на дорогу, по которой исчезла процессия.

— Понимаю только одно: он приехал не из-за траура.

Клара молча согласилась. Анри ничего не возразил. Снизу снова донёсся шум: Жуффуга, видимо, безуспешно пытался увести лошадь от конюшенного двора. Та упрямо не желала двигаться как следует, и в её поведении было что-то почти вызывающе важное. Она фыркнула, мотнула головой и, когда Жуффуга дёрнул повод чуть резче, обиженно переступила копытом, словно заявляя всему миру своё недовольство. Вновь заговорила Клара:

— Венедикт не приехал бы так быстро, если бы не знал, что происходит.

Адемар кивнул.

— Поэтому я и должен ехать немедленно.

Он сделал шаг к выходу, потом остановился. Клара молча смотрела ему вслед. Анри оставался рядом, не вмешиваясь. Ему достаточно было услышанного, чтобы понять: в доме Робера всё оказалось куда хуже обычной семейной беды. Смерть, испорченные доспехи, слишком быстрый приезд епископа, тяжёлое слово о «хранении» — всё это складывалось в узор, который пока ещё нельзя было назвать до конца, но который уже вызывал тревогу. И чем тише становилось в замке, тем отчётливее ощущалось: всё только начинается. А во дворе Жуффуга наконец сумел справиться со своей лошадью — или, по крайней мере, создать такое впечатление. Она тряхнула гривой, фыркнула и замерла у конюшни с надменным спокойствием. Анри смотрел на неё и думал, что иногда даже животное понимает: в доме случилось нечто дурное. Но человек понимает это позже. И гораздо тяжелее.

Глава 3. Тайник

Адемар уехал ещё до заката. Замковые ворота открылись бесшумно, насколько позволяли их старые петли. За стенами коротко заржала лошадь, звякнули удила, послышался приглушённый голос слуги. Затем копыта застучали по дороге и постепенно стихли. Клара стояла у окна, пока последний звук не растворился в вечернем тумане. Адемар не обещал вернуться быстро. Он лишь сказал, что должен успеть к сюзерену прежде, чем весть о смерти Робера достигнет двора через чужие уста. В нынешние времена тот, кто первым рассказывал о случившемся, нередко получал право определить, как это будут понимать остальные. Клара отошла от окна. Замок казался непривычно большим без Робера. Залы, лестницы, переходы — всё осталось на своих местах, но в каждом помещении теперь чувствовалось отсутствие хозяина. Его плащ по-прежнему висел у двери оружейной, на столе лежала раскрытая книга счетов, а у камина стояло кресло, в котором он вечерами слушал доклады управляющего. Клара старалась не смотреть на него. Она дождалась, пока слуги разойдутся по своим делам, и только потом вышла из покоев. Анри она не встретила. Возможно, он был во дворе с Жуффуа или осматривал ворота после вчерашнего беспокойства. Клара была рада, что он не задал вопросов. Сейчас ей не хотелось объяснять то, о чём она сама ещё не решалась думать. Коридор, ведущий к старой части замка, был холоднее остальных. Здесь редко бывали слуги. Каменные стены темнели от времени, а узкие окна пропускали мутный свет. Пыль лежала на подоконниках ровным слоем, и казалось, что воздух в этом месте не менялся годами. Клара остановилась у двери, за которой находилась бывшая часовня. Когда-то здесь молились предки Робера. Теперь часовня пустовала: алтарь разобрали, изображения святых сняли, а тяжёлые скамьи вынесли в нижние помещения. Но под каменными плитами всё ещё сохранялись следы прежнего назначения — выцветшие знаки, остатки воска и маленькая ниша в стене, которую никто не замечал, если не знал, где искать. Клара закрыла за собой дверь. Внутри было темно. Она зажгла свечу и поставила её на каменный выступ. Огонь дрогнул, вытянулся и осветил пустые стены. Несколько мгновений Клара просто стояла, прислушиваясь. Тишина. Только где-то далеко капала вода. Она подошла к дальней стене и провела ладонью по камню. Третий блок слева был чуть теплее остальных — не от огня, а потому, что сидел неплотно. Клара нажала на него большим пальцем. Камень поддался. За ним открылась узкая полость. Тайник. Клара достала небольшой железный ключ, спрятанный под складкой платья, и вставила его в замок внутреннего ящика. Механизм отозвался сухим щелчком. Внутри лежал свёрток, обернутый в тёмную ткань. Клара осторожно вынула его и положила на полку возле свечи. Сначала она достала манускрипт. Он был старше всего, что находилось в доме. Толстые листы потемнели по краям, кожа переплёта покрылась мелкими трещинами. На лицевой стороне не было ни названия, ни герба — только вытисненный знак, напоминавший крест, окружённый замкнутым кругом. Клара не решалась раскрывать его без необходимости. Даже Адемар, рассказывая о тайнике, говорил о манускрипте скупно. Он знал лишь, что документ подтверждает древние права рода на земли и связан с договором, заключённым между предками Робера и Церковью. Но сегодня Клара всё же развернула переплёт. Страницы пахли пылью, воском и чем-то горьким, почти лекарственным. Чернила местами поблекли, но строки оставались различимыми. На полях встречались пометки, сделанные разными руками. Некоторые были написаны на латыни, другие — на старом наречии, которым в замке уже никто не пользовался. Клара прочитала несколько строк и почувствовала, как внутри нарастает тревога. Здесь говорилось не только о земле. В тексте упоминались границы владений, обязательства рода, церковные гарантии и право наследования в случае пресечения мужской линии. Отдельные фразы были зачёркнуты, а рядом стояли позднейшие исправления. Договор изменяли. И, судя по всему, не один раз. Клара перелистнула несколько страниц. В конце одного из разделов стояла печать,

почти стёртая временем. Над ней сохранились слова о том, что права рода признаются «до тех пор, пока святыня остаётся под защитой тех, кому она доверена». Клара нахмурилась. Она не знала, о какой святыне шла речь. Адемар тоже не объяснил. Возможно, он сам не был уверен. Но если манускрипт попадёт к Венедикту, тот наверняка найдёт способ истолковать эти слова в пользу Церкви. Клара закрыла книгу. Затем достала второй свёрток. Бумага была светлее и новее, чем листы манускрипта. Она хранилась в деревянном футляре, перевязанном узкой лентой. На футляре не было печати, но Клара узнала почерк Робера на маленькой записке: «Хранить до часа необходимости». Клара долго не решалась открыть футляр. Она видела это завещание раньше. Робер показал его ей всего один раз, много лет назад, когда внезапная болезнь уже начала отнимать у него силы. Тогда он сказал, что оригинал передан нотариусу, а копия должна оставаться в доме.

— Это не просто распоряжение имуществом, — произнёс он тогда. — Если однажды оно понадобится, значит, опасность уже близко. Клара не спросила, о какой опасности он говорил. Теперь она развернула документ. Завещание было составлено на нескольких листах. В нём перечислялись земли, дома, обязательства и права рода. Но между обычными юридическими формулировками встречались фразы, смысл которых Клара не могла понять до конца. Робер упоминал человека, чьё имя не называлось прямо. Говорил о долге, который нельзя передать Церкви. О ребёнке, чьё происхождение должно оставаться скрытым. Клара перечитала этот отрывок дважды. Сердце её забилося сильнее. Она не стала читать дальше. Сложила листы, вернула их в футляр и накрыла тканью. Ей казалось, что стены часовни стали теснее. Теперь она понимала: манускрипт и завещание были связаны. Первый говорил о землях и старом договоре. Второе — о наследстве и тайне, которую Робер хранил даже от самых близких людей. А Венедикт появился почти сразу после смерти Робера. Слишком быстро. Клара снова взяла манускрипт и стала внимательно осматривать переплёт. На внутренней стороне обложки виднелись свежие потёртости. Их не было раньше. Она замерла. Кто-то недавно открывал тайник. Клара провела пальцем по краю каменной полости. На пыли остался след — широкий, неровный, будто сюда недавно прикасались рукой. Она медленно поднялась. В часовне никого не было. Но тишина теперь казалась другой. Не пустой. Наблюдающей. Клара быстро завернула манускрипт и завещание, убрала их обратно в футляр и заперла ящик. Затем вернула камень на место, стараясь не оставить заметных следов. Свеча дрогнула. В коридоре что-то скрипнуло. Клара обернулась. Дверь оставалась закрытой. Она подождала, пока звук не повторится, затем погасила свечу и несколько мгновений стояла в темноте. Ей хотелось открыть дверь и проверить коридор, но здравый смысл удержал её. Если за ней действительно следили, тот, кто находился снаружи, мог ждать именно этого. Клара отступила к стене. Вспомнились слова Адемара:

— Не позволяй никому узнать о тайнике.

И слова Венедикта:

— Всё ценное должно быть передано под защиту Церкви.

Теперь эти две фразы звучали в её памяти рядом, словно части одного предупреждения. Клара дождалась, пока за дверью окончательно стихнут шаги, и только после этого вышла из часовни. Коридор был пуст. У дальней лестницы она заметила тонкую полоску грязи на каменном полу. След сапога. Свежий. Клара остановилась, она не пошла дальше, сохраняя спокойное выражение лица, уже знала: тайник больше не был надёжным укрытием. Кто-то искал документы. Кто-то знал, что они существуют. А если этот человек узнал о тайнике, то следующей целью мог стать не манускрипт. Она вернулась к тайнику, быстро вынула Манускрипт и футляр с завещанием, спрятала их под накидку платья и поспешно отправилась в свое крыло замка.

Глава 4. Ночь и кровь

К вечеру замок притих. После дневной тревоги тишина опускалась на него медленно, как тяжёлый саван. Ещё слышались где-то шаги, редкий скрип двери, короткий оклик, звяканье железа во дворе — но всё это постепенно стихало, уходило в сумрак, словно сам дом не хотел больше двигаться и говорить. Люди расходились по своим покоям. Запирали двери. Задвигали засовы. Гасили огонь. Каждый надеялся укрыться хотя бы на несколько часов за деревянной створкой, под узкой полосой света, под тонким, ненадёжным покровом ночи. Анри вышел, когда небо уже почернело. Он шёл один. Кладбище лежало недалеко от замка, на сырой земле, где трава была влажной, а воздух — неподвижным и холодным. Свежая могила Робера темнела низким холмом под крестом. Земля ещё не осела, и от неё исходил тяжёлый запах сырости, будто сама ночь не спешила принять случившееся. Анри остановился перед могилой. Долгое мгновение он молчал. В темноте почти не было видно его лица, только силуэт, застывший неподвижно, словно он пришёл не говорить, а выстоять эту тишину до конца. Потом он тихо произнёс:

— Робер...

Имя прозвучало почти как молитва.

— Вы дали мне больше, чем кров. Вы дали мне защиту. Поддержку, какую обычно не получаешь от чужого человека. Такая поддержка бывает только от близкого, родного человека. Почти родного.

Он замолчал, глядя на свежую землю.

— Я очень сожалею, что потерял вас.

После этих слов тишина стала ещё глубже. Ни ветра, ни шороха, ни ответа. Только ночной мрак, густой и неподвижный, и новая могила, словно рана в земле. Анри ещё немного постоял, потом медленно повернулся к замку. И именно тогда изнутри донёсся шум. Сначала глухой удар. Потом второй. Затем — короткий, резко оборвавшийся крик. И сразу вслед за ним что-то тяжёлое с шумом ударилось о дерево. Анри остановился. В следующую секунду из замка уже метнулся свет факела. И тут во дворе раздался отчаянный крик слуги:

— Господин Анри! Помогите!

Анри мгновенно сорвался с места. Он бросился назад, к воротам, и почти сразу увидел, что в замке творится нечто страшное. Из темноты вынырнули четверо. Тёмные плащи. Маски. Быстрые, слаженные движения. Не воры, не случайные люди — слишком уверенные, слишком собранные. Один уже был у стены, второй рванулся к боковому проходу, третий обнажал оружие. Слуга, тот самый, что только что звал Анри, бросился вперёд первым. Он не был вооружён, но не отступил. С криком он врезался в одного из чужаков, сбил его с ног и выиграл Анри несколько драгоценных мгновений. Во дворе вспыхнула драка. Короткие удары. Хрип. Сталь. Стук сапог по камню. Крики, рваные и глухие, будто их разрывала сама темнота. Факел у стены дрожал и бросал на лица неверный свет, в котором всё казалось искажённым и почти нечеловеческим. Анри ударил одного нападавшего в плечо, затем в лицо, отбрасывая его назад. Слуга схватил другого за руку, получил удар, но не отпустил. Вся сцена разлетелась на отдельные мгновения: вспышка огня, резкий звук падения, чёрная тень, скользнувшая вдоль стены. Трое отступили. Не сразу — сначала дрогнули, потом распались, и каждый ушёл в свою сторону, растворяясь в ночи. Слуга рванулся следом за ними, крича что-то неразборчивое, а Анри уже услышал другое: наверху, со стороны окон, раздался новый шум. Крик. И в тот же миг кто-то выпрыгнул из окна верхнего этажа. Анри поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как фигура падает вниз, цепляется за выступ и тут же оказывается у лошади. Человек уже был в седле. Анри бросился к нему. Теперь всё происходило в рваных вспышках света: факел у стены, чёрная громада замка, всадник, рванувший повод, блеск металла. Лошадь дёрнулась,

человек пытался развернуться, но Анри успел вцепиться в него прежде, чем тот окончательно ушёл. Они рухнули в борьбе почти у самой стены. Анри чувствовал под рукой мокрую ткань, твёрдую кость плеча, сопротивление живого тела, не желающего отпустить добычу. Противник был силен и действовал отчаянно. Он вывернулся, и в его руке блеснул кинжал. Анри заметил ножны. И в тот же миг рванул их рукой. Ножны с треском сорвались. Противник выругался, схватил кинжал уже без них, но Анри успел перехватить его запястье. На короткое мгновение их руки сцепились в бешеном напряжении. Анри дёрнул сильнее — и перчатка слетела. Под ней открылся страшный шрам от ожога. Грубый, старый, уродливый след на коже. Анри на миг застыл. Этого мгновения оказалось достаточно. Человек прищипорил лошадь. Та рванулась вперёд, и Анри едва успел отшатнуться, чтобы не попасть под копыта. Всадник вылетел в темноту, и через несколько мгновений от него остался только стук удаляющихся копыт. Анри стоял, тяжело дыша, сжимая в руке перчатку и сорванные ножны. Плечо горело болью. Он провёл ладонью по боку и почувствовал кровь. Ранен. Но останавливаться было нельзя. Он бросился наверх, к покоям Клары. Коридоры встретили его тревожной тишиной. Где-то хлопнула дверь, кто-то шепнул что-то невнятное, потом всё снова стихло, будто сам замок затаил дыхание. Анри поднялся по лестнице и толкнул дверь. Клара лежала неподвижно. Он понял всё сразу, ещё до того, как подошёл ближе. Комната была разорена: перевёрнутый стул, сбитая свеча, следы борьбы, тёмное пятно на полу, тяжёлый воздух, пропитанный страхом и смертью. Но страшнее всего была сама неподвижность Клары — тишина, в которой уже ничего нельзя было исправить. Анри замер. Потом медленно перевёл взгляд на стену. Вскрытый тайник был пуст. Он не сразу смог выпрямиться. Несколько мгновений просто стоял, будто тело отказывалось принимать то, что уже стало правдой. Потом сжал в руке перчатку и ножны так крепко, что побелели пальцы. И только тогда стало ясно: это было не просто нападение. Это был точный удар по дому. И он уже успел нанести свой первый, самый страшный результат.

Глава 5. Обвинение

Утро пришло не с рассветом, а с серым, безрадостным светом, который словно не освещал замок, а только показывал его раны. Ночь ещё не успела окончательно рассеяться, как в коридорах уже стоял гул приглушённых голосов, шорох спешных шагов, сухое звяканье оружия. Люди ходили так, будто боялись потревожить сам воздух. Вчерашняя тишина сменилась тяжёлой, больной суетой, и в этой суете не было ни жизни, ни надежды — только страх и необходимость что-то делать, пока ужас не успел окончательно принять форму. Анри не спал. Он провёл ночь в полусне, если это вообще можно было назвать сном. Перед глазами снова и снова вставала Клара — неподвижная, бледная, уже ускользнувшая куда-то дальше боли и слова. И каждый раз вместе с этим возвращалось другое: пустой тайник, сорванные ножны, перчатка, ожог на руке беглеца. Улики, которые не объясняли ничего до конца и вместе с тем говорили слишком много. Когда он услышал первый шум у ворот, в замке уже начали шептаться о приезде. Адемар вернулся. Но не один. С ним был епископ Венедикт. Их встречали у входа в молчании, в котором не было почтения — лишь напряжение. Стража стояла по сторонам, слуги держались поодаль, будто боялись оказаться слишком близко к тем, кто несёт с собой приговор. Адемар вошёл в замок с лицом человека, который за одну ночь постарел на несколько лет. Он был бледен, почти сер, и в его взгляде стояло такое потрясение, что казалось: он ещё не до конца верит в случившееся. Венедикт, напротив, двигался так спокойно, будто возвращался не на место гибели, а на привычный для себя суд. На нём были тёмные одежды, строгие и безупречные, и всё его лицо выражало скорбь, столь выверенную и благочестивую, что от неё становилось только холоднее.

— Господи... — произнёс он, остановившись на пороге и медленно опуская взгляд.

— Какая страшная ночь.

Он говорил так, будто горе уже прожил и теперь лишь приносил его с собой в жесте, в паузе, в тихом наклоне головы. Адемар молчал. Он видел следы крови на камне, сбитую мебель, запертые двери, лица слуг, которые избегали его взгляда. Всё это было слишком реальным, слишком чудовищным, чтобы вписаться в одно утро. Вчерашняя тревога, ещё недавно казавшаяся смутной и почти объяснимой, теперь обернулась настоящим разломом. Венедикт между тем шагнул вперёд и заговорил уже громче, чтобы его слышали все.

— Это не может остаться без расследования. Не может. Подобное злодеяние требует немедленного разбирательства. Он обернулся к присутствующим, и в его голосе зазвучала та твёрдая, ледяная уверенность, которая слишком часто выдает власть за правоту.

— Нужно немедленно привлечь судебных исполнителей.

Слуги переглянулись. Адемар поднял голову.

— Судебных исполнителей? — спросил он глухо. Епископ кивнул с печальным видом.

— Разумеется. Когда пролита кровь и похищено то, что, возможно, имело значение для дома, промедление опасно. Мы не имеем права колебаться. Он сделал паузу, будто скорбь душила его слова.

— И прежде всего мы должны установить, кому была выгодна эта ночь.

В комнате стало тихо. Слишком тихо. Анри стоял у стены и не двигался. Он понял по тону Венедикта, что сейчас начнётся не разговор, а приготовление к ловушке. Всё было слишком гладко, слишком быстро, слишком выверенно. Епископ не выглядел человеком, потрясённым гибелью близких. Он выглядел человеком, который пришёл уже с готовым решением.

— Подозреваемый уже есть, — спокойно сказал Венедикт. Адемар резко повернулся к нему.

— Что вы имеете в виду?

Епископ опустил глаза, будто не хотел произносить дурное имя вслух, но затем всё же поднял взгляд на Анри.

— Этот человек был в доме. Этот человек оказался рядом со всеми событиями. Этот человек держал в руках следы ночи. Разве этого мало, чтобы начать проверку?

Анри не шелохнулся. Он только почувствовал, как внутри всё сжалось в один холодный, неподвижный узел. Венедикт продолжал, всё так же спокойно, почти мягко:

— Анри был слишком близко. Слишком многое случилось рядом с ним. Слишком много совпадений. А совпадения, как известно, иногда лишь прикрывают умысел.

Адемар побледнел ещё сильнее.

— Вы обвиняете его?

— Я не обвиняю, — ответил Венедикт с почти скорбной укоризной. — Я требую расследования. Только расследования. Но закон должен быть строг.

Это было сказано так, будто закон уже стоял у двери и ждал, когда ему укажут на жертву. Один из судебных исполнителей, появившихся вслед за епископом, шагнул вперёд. За ним — второй. Лица у них были каменные, движения — привычные, механически уверенные. Они не нуждались в объяснениях. Им дали цель, и теперь они лишь исполняли её.

— По приказу церкви и светской власти, — сухо произнёс старший из них, — вы подлежите задержанию до выяснения обстоятельств. Анри смотрел на него, не отводя взгляда.

— На каком основании?

Исполнитель не ответил сразу. Только чуть сдвинул руку к поясу, где уже висел знак власти.

— На основании подозрения.

Одного этого слова оказалось достаточно. Ни доказательств, ни разбирательства, ни попытки услышать подробности — только подозрение, брошенное в лицо, как камень. Адемар шагнул вперёд.

— Подождите.

Но он произнёс это слишком поздно и слишком тихо. В его взгляде было потрясение человека, который только теперь начинает понимать, в какую сторону движется дело. И всё же на нём уже лежала тяжесть другой обязанности — той, от которой нельзя было уклониться. Венедикт же, как ни в чём не бывало, вздохнул с тем благочестивым выражением, которое лучше всяких слов говорило о его притворстве.

— Я разделяю ваше горе, я и сам потерпевшая сторона. Моя сестра мертва, — произнёс он.

— И потому прошу действовать быстро. Чем скорее истина будет установлена, тем лучше для всех.

Он даже склонил голову — почти с состраданием. Анри почти физически почувствовал, как этот жест лжёт. Судебные исполнители подошли ближе.

— Снимите оружие, — сказал старший. Анри не спорил. Не потому, что смирился, а потому, что понимал: сейчас сопротивление будет лишь ещё одним удобным обвинением. Он медленно расстегнул ремень и положил всё на стол. Перчатка и ножны всё ещё были при нём. Их он не отдал, а быстро сунул в карман. На миг взгляд Венедикта скользнул по ним, но тут же ушёл в сторону. Слишком быстро. Слишком осторожно. Будто он узнал то, что хотел бы не видеть. Анри это заметил. И этого было достаточно, чтобы холод внутри стал ещё острее. Его увели. Не грубо — что было даже страшнее, потому что всё происходило под видом законности. Один исполнитель шагал впереди, двое — по бокам. Анри шёл прямо, не позволяя себе ни опустить головы, ни дать врагу увидеть в себе слабость. Коридоры казались длиннее обычного. Камень под ногами был холоден и пуст. Где-то наверху глухо хлопнула дверь, и этот звук отозвался в стенах, как удар в колокол. Слуги замирали, когда процессия проходила мимо. Кто-то крестился. Кто-то отворачивался. Кто-то смотрел с ужасом, а кто-то — с тем осторожным

молчанием, которое возникает, когда люди боятся не только наказания, но и самой правды. Адемар остался в зале. Он стоял неподвижно, словно его удерживала не только скорбь, но и внезапно навалившаяся обязанность. Похороны Клары уже требовали его внимания, и именно это оказалось сильнее любого возмущения. Дом был разорён, мёртвые ждали обряда, живые — порядка, и Адемар, даже потрясённый до глубины души, не мог вырваться из этого круга. Он посмотрел вслед Анри, но не двинулся. Не потому, что хотел бросить его. Потому что не знал, за что хвататься первым. Венедикт же уже говорил с исполнителями вполголоса, спокойно и деловито, как человек, который только что не потерял близкого, а распорядился делом. Именно в этот миг из бокового прохода вылетел слуга. Тот самый, что ещё недавно был рядом с лошадью — красивой, горячей, нетерпеливой, как пламя. Теперь он мчался по двору, не жалея ни себя, ни её, и лошадь неслась под ним так, словно чувствовала его тревогу. Он увидел, как Анри увозят. И рванул следом. Копыта застучали по камню и грязи, по дороге, уходящей прочь от замка. Слуга наклонился низко, вцепившись в поводья, и его фигура быстро растворялась в сером утре. Он спешил догнать стражу, что увозила Анри, будто в этой погоне ещё оставалась надежда что-то изменить — хотя бы задержать, хотя бы запомнить дорогу, хотя бы не дать беде уйти совсем без следа. А замок тем временем снова становился безмолвным. Только теперь это было уже не ночное молчание. Это было молчание после удара.

Глава 6. Суд и слёзы

Утро было холодным и ясным, но свет его не приносил облегчения. Он лежал на камнях двора, на крышах, на потемневших стенах замка — чистый, бледный, почти бесстрастный. И от этого всё вокруг казалось ещё суровее: следы вчерашней крови не становились менее страшными под этим светом, а, напротив, выступали резче, как незаживающая рана, которую невозможно ни скрыть, ни забыть. Во дворе собирались люди. Не молча — молчания не было. Но и шум их голосов был каким-то приглушённым, ослабленным, будто каждый боялся говорить слишком громко, чтобы не потревожить беду, уже и так поселившуюся в этих стенах. Стража стояла цепью. Слуги держались поодаль. Несколько горожан и свидетелей, которых успели призвать, перешёптывались у ворот, украдкой поглядывая туда, где должен был начаться суд. Открытый. Публичный. Такой, каким он и должен был быть в эти времена: на виду у всех, при свидетелях, перед лицом власти и Божьего страха. Анри вывели под руки. Он шёл медленно, потому что раненое плечо и бок отзывались на каждое движение тупой, жгучей болью. Ночь не прошла для него бесследно: кровь уже подсохла на ткани, лицо осунулось, под глазами легла тень бессонницы. И всё же даже в этом измученном, побледневшем виде он не казался сломленным. В нём сохранялась та редкая, почти горькая собранность, которая не зависит от одежды, ран или чужого приговора. Высокий, стройный, с ясным, хотя и усталым лицом, с прямой осанкой человека, привыкшего не унижаться и не унижать, он выглядел здесь не обвиняемым — скорее человеком, которого грубо вырвали из его места в мире и поставили перед судом, не дав перевести дыхание. Когда он остановился в центре двора, многие невольно замолчали. Среди собравшихся уже виднелись Адемар и епископ Венедикт. Адемар был бледен до прозрачности. Смерть Робера, Клары, разрушенный дом, всё случившееся внезапно — всё это словно сожгло в нём последние силы. Он держался из последних остатков воли, но по его взгляду было ясно: сейчас он больше тень самого себя, чем хозяин этого места. Похороны тянули его к себе с той тяжестью, от которой не уклоняются даже живые. Рядом с ним стоял Венедикт. Спокойный. Собранный. В тёмных одеждах, строгих и безупречных. На лице его было выражение благочестивой скорби — настолько точное, настолько выверенное, что от него веяло не сочувствием, а холодом. Он словно заранее знал, как должен выглядеть скорбящий пастырь, и исполнял эту роль с безукоризненной аккуратностью. Анри посмотрел на него — и снова, как и в ту ночь, почувствовал тот же ледяной укол: этот человек не страдал. Он распорядился страданием. Судебный исполнитель произнёс несколько сухих слов о смерти Клары, о ночном вторжении, о пропавшем содержимом тайника и о подозрении, которое падало на Анри. Люди слушали, не двигаясь. Кто-то смотрел в землю. Кто-то — на обвиняемого. Кто-то — на епископа, как будто именно он должен был сейчас сказать, что правда, а что ложь. И тогда вперёд вышла Люсиль. Она появилась внезапно, словно светлая боль среди этого тёмного, тяжёлого утра. Юная, тонкая, в траурной одежде, которая только подчёркивала её хрупкость, она была так красива, что на миг взгляд действительно останавливался на ней. Лицо её, ещё совсем молодое, было бледным от горя, но эта бледность не лишала его очарования — напротив, делала черты ещё тоньше, ещё трепетнее. Глаза, полные слёз, блестели на свету; губы дрожали, и в этом дрожании было что-то почти невыносимо трогательное. Она была из тех девушек, в чьей красоте уже угадывается не только юность, но и будущая глубина: ещё мгновение — и эта хрупкость может превратиться в силу, а мягкость — в непреклонность. Но сейчас она была просто потрясённой дочерью и племянницей, которая пришла туда, где только что случилось непоправимое. Её взгляд упал на Анри. И всё в ней сразу переменялось.

— Это вы?! — воскликнула она, и голос её сорвался.

— Это вы были там?

Слова вылетели из неё вместе со слезами, как будто она больше не могла удержать ни гнев, ни ужас, ни отчаяние. Анри не ответил сразу. Он смотрел на неё и в первую секунду даже не столько слышал обвинение, сколько видел саму Люсиль: как тонко дрожат её пальцы, как она сжимает край траурного платья, как боль разрывает ей грудь и делает любое слово почти физически невыносимым.

— Я... — начал он, но замолчал. Что он мог сказать сейчас? Что был внизу, когда ворвались чужаки? Что видел шрам? Что Клара уже лежала мёртвой? Что тайник пуст? Что его самого пытались убить? Всё это было правдой — и всё же правды в эту минуту оказалось недостаточно, чтобы спасти его от взгляда девушки, в чьих глазах он уже успел стать виновным. Люсиль сделала ещё шаг, будто ей нужно было убедиться, что перед ней действительно тот самый человек, о котором шептал весь двор.

— Вы были рядом! — сказала она с болью, почти с упреком.

— Вы были там, когда всё случилось! Вы вошли в нашу жизнь как гость, а теперь... теперь мы должны верить, что вы не имеете к этому отношения?

Она всхлипнула и на мгновение закрыла лицо ладонью. В этом жесте было столько отчаяния, что даже стража у ворот опустила глаза. Анри стоял неподвижно. В утреннем свете он казался ещё более измождённым, чем прежде. На лице его читалась не только усталость, но и то особое, благородное смятение, которое редко видно на людях грубых и виновных. Он не пытался защищаться резко, не искал сочувствия, не ломал голос. И именно это — его сдержанность, его внутренняя прямота — неожиданно стало для Люсиль первым поводом усомниться. Она ещё смотрела на него со слезами и болью, но уже не так уверенно, как прежде. В нём не было ничего от разбойника. Ни в тяжёлой, но спокойной манере держаться. Ни в прямом взгляде. Ни в том, как он, несмотря на рану, не пытался вызывать жалость. Ни даже в его молчании — молчании не пустом, а благородном, почти мучительном. Так смотрят не те, кто привык к воровству и насилию, а те, кто внезапно оказался перед чужой жестокостью и не знает, как защитить свою правду. Люсиль заметила это. И это смутило её ещё сильнее, чем само нападение. Она медленно отступила на полшага, всё ещё глядя на Анри сквозь слёзы.

— Вы... — сказала она уже тише, с растерянностью, которой не было минуту назад.

— Вы не похожи на человека, который способен на такое.

В этих словах не было оправдания. Пока ещё нет. Но в них уже была трещина. Венедикт заметил её сразу. Он двинулся вперёд почти незаметно, мягко, как человек, который привык вмешиваться в чужие чувства прежде, чем они успеют стать опасными. Его лицо всё так же выражало скорбь, но теперь в этой скорби появилась жёсткость.

— Дитя моё, — произнёс он спокойно, — боль часто заставляет нас колебаться. Но колебание ещё не есть истина.

Люсиль не ответила. Она по-прежнему смотрела на Анри, и в её взгляде уже жила не только скорбь, но и смятение. Ей хотелось обвинять — потому что тётка была мертва, дом был осквернён, а сердце требовало найти виновного. Но перед ней стоял не тот образ, который легко было принять за злодея. Анри это чувствовал. Он видел, как меняется её лицо, как слёзы не исчезают, но взгляд становится иным — растерянным, ищущим, почти беспомощным перед несоответствием между ужасом ночи и человеком, которого делают его причиной.

— Я не убивал Клару, — тихо сказал он. Голос его был хрипловат от боли и бессонницы, но в нём не было ни страха, ни слабости. Только правда. Люсиль вздрогнула. Пожалуй, именно эта простая, спокойная прямота и поразила её больше всего. Если бы он кричал, оправдывался, клялся слишком горячо — она, быть может, отшатнулась бы. Но он говорил так, будто не нуждался в театре и не умел играть на чужом горе. И это было не похоже на вора. Не похоже на разбойника. Не похоже на человека, который мог бы с лёгкостью осквернить дом, лишить жизни и уйти в ночь с добычей. Она отвела взгляд. Не потому, что поверила ему окончательно — нет, до этого было ещё далеко. Но потому, что впервые за всё утро поняла: всё не так про-

сто, как ей казалось. Суд продолжался. Епископ говорил о необходимости строгости. Судебные исполнители ждут приказа. Адемар молчал, и это молчание было самым страшным из всего: он был здесь, но не мог ни защитить, ни остановить, ни даже толком возразить. Похороны уже тянули его на другую сторону этого дня. А Анри стоял перед всеми — раненый, измученный, с кровью под тканью, с перчаткой и ножами как немymi уликами в руках судьбы, — и чувствовал, что его жизнь в этот миг висит не только на словах врагов, но и на дрожащем сомнении юной девушки в трауре. Люсиль ещё раз посмотрела на него. И в её глазах, сквозь слёзы, уже рождалось нечто новое. Не оправдание. Пока ещё нет. Но сомнение — а сомнение иногда бывает началом спасения.

Глава 7. Тень в покоях епископа

Владения епископа стояли на холме, точно сама земля, смирившись, подставила ему и высоту, и простор, и небо. С дороги они выглядели почти мирно: светлые стены, ровные дорожки, ухоженные деревья, аккуратные строения с высокими окнами. Всё здесь было исполнено порядка и благолепия, и именно это благолепие настораживало сильнее всего. Оно не согревало, не звало к покою — оно подчиняло. В нём чувствовалась рука человека, привыкшего не жить среди этих стен, а владеть ими. Слуги двигались бесшумно. Стража стояла неподвижно. Даже ветер, казалось, здесь дул тише, чем в других местах. Дом епископа был красив тем холодным, строгим образом, который больше говорит о власти, чем о достатке. Камень, дерево, тёмные ткани, узкие проёмы окон, ровный свет, падающий на пол и стены, — всё было выверено до последней мелочи. И всё же за этой правильностью таилось что-то тяжёлое, почти зловещее, будто сам воздух в этих коридорах знал: здесь не произносят лишних слов. Люсиль шла по галерее медленно, почти не касаясь пола. Она ещё не оправилась после смерти Клары. Да и могла ли? Клара была ей не просто тётей. После смерти матери именно она стала самым близким человеком — той, кто принимал её слёзы, кто умел утешить, кто умел одним прикосновением сделать мир чуть менее страшным. И теперь её не было. Эта мысль всё ещё не укладывалась в душе. Люсиль шла, не собираясь ни за кем следить, не думая ни о тайнах, ни о заговорах. Её сердце было занято только одним — горем. Она даже не сразу поняла, что остановилась, услышав голоса за дверью. Сначала один. Потом другой. Имя Клары прозвучало так отчётливо, что у Люсиль перехватило дыхание. Она замерла. Не дыша. Не шевелясь. Только сердце, казалось, билось слишком громко.

— ...Клара не должна была вмешиваться, — сказал один из голосов.

Люсиль побледнела. Слова не были громкими. Но в них было что-то такое, от чего кровь в жилах стала холодной. Она прижалась к стене и затаилась, не смея сделать ни шага. Всё её существо в этот миг сузилось до одной боли: Клара. Только Клара. Её лицо. Её голос. Её смерть. За дверью говорили дальше, и теперь Люсиль слышала уже яснее.

— Она мешала нам забрать документы, — произнёс другой голос. Пауза. Потом снова первый, спокойный и уверенный:

— Но главное не в ней.

Люсиль стиснула пальцы так, что ногти впились в ладони.

— Манускрипт, — произнёс епископ. Это слово ударило, как лезвие. Люсиль не сразу поняла, что именно он имел в виду, но почувствовала главное: речь шла о чём-то скрытом, важном, опасном. О чём-то, что Клара, возможно, увидела или узнала. О чём-то, ради чего её смерть перестала быть просто трагедией и стала частью чего-то более страшного.

— И завещание, — добавил Венедикт уже тише. — Без них всё пришлось бы делать иначе.

Люсиль едва удержалась на ногах. Теперь всё стало собираться в одну леденящую картину, хотя ещё не до конца, ещё неясно, ещё страшнее от этого недосказанного. Но одно она уже понимала: отец говорит не о бумагах как о пустой формальности. Он говорит о них так, будто они опаснее любого оружия. И вдруг, вслед за этим, прозвучало имя Анри.

— Пусть всё держится на нём, — сказал Венедикт.

— Пока люди смотрят на Анри, нам проще выиграть время. Люсиль застыла. Анри. Она вспомнила его лицо: бледное, усталое, с раной, с тенью бессонной ночи под глазами. Вспомнила его взгляд — прямой, спокойный, не похожий на взгляд виновного человека. Он не казался ни грубым, ни алчным, ни жестоким. И оттого в этой новой правде, которая вдруг вставала перед ней, становилось особенно страшно. Но настоящий ужас пришёл не сразу. Он пришёл следом

— вместе со следующими словами. Венедикт сказал это так, словно речь шла не о человеке, а о досадной помехе:

— Этот ублюдок не должен выйти живым после суда.

Люсиль вздрогнула так резко, что ладонь сама прижалась к груди. Всё внутри неё будто оборвалось. Она стояла неподвижно, не веря, не понимая, не желая понимать до конца. Слова отца ударили слишком прямо. Слишком ясно. В них не было ни сомнения, ни случайности, ни привычной церковной мягкости. Только холодная воля. Не просто обвинить. Не просто осудить. Убить. И в этот миг Люсиль поняла всё окончательно. Не Анри убил Клару. Не Анри был чудовищем, которого ей пытались показать. Её отец — её собственный отец — говорил о смерти другого человека с такой лёгкостью, будто уже вынес приговор и только ждал удобного часа привести его в исполнение. У неё похолодели руки. Перед глазами на миг всё поплыло. Клара была ей почти матерью. И если отец причастен к её гибели, если он велел погубить Анри, значит, этот дом не просто укрыл ложь. Он был построен на ней. Люсиль отступила от двери, стараясь не шуметь, хотя в ушах уже стоял гул. Внутри всё разрывалось. Она хотела броситься в комнату. Закричать. Спросить. Обвинить. Но понимала: сейчас это невозможно. Сейчас любое слово обернётся против неё. Отец слишком силен. Слишком спокоен. Слишком опасен. Из-за двери донеслись ещё какие-то слова, но Люсиль уже не слышала их по-настоящему. Она слышала только главное — смертный, беспощадный тон отца и собственное сердце, которое билось так, словно пыталось вырваться из груди. Она ушла. Не сразу, не бегом, не с шумом — наоборот, слишком тихо, почти как тень. Но каждый шаг давался ей с трудом. Коридоры вдруг стали длиннее, чем прежде, стены — холоднее, окна — темнее. Всё вокруг оставалось прежним и в то же время уже было безвозвратно иным. Дом, в котором она жила с детства, вдруг стал чужим. Не потому что стены изменились. Потому что ложь вышла из них наружу. Когда Люсиль наконец добралась до своих покоев, она закрыла дверь и на мгновение оперлась на неё спиной. Тишина комнаты обрушилась на неё тяжёлым, почти невыносимым грузом. Она медленно села. Клара стояла перед её внутренним взором снова и снова — не как мёртвая, нет, а как живая: добрая, ласковая, усталая, но всегда умеющая найти нужное слово. Она не была просто тётёй. После смерти матери Клара стала для Люсиль тем человеком, к которому шли за теплом, за заботой, за тихой, надёжной любовью. И теперь Венедикт говорил о ней так, словно смерть Клары была лишь досадным препятствием. Слёз не было. Пока. Был только жар внутри и страшная ясность. Люсиль медленно выпрямилась. Если отец прячет правду, если Анри подставлен, если всё это связано с Klarой, манускриптом и завещанием, значит, нужно узнать, что в них написано. Не из любопытства. Не ради мести. Ради Клары. Ради того, чтобы её смерть не растворилась в чужой лжи. Она подошла к зеркалу. Из него на неё смотрела совсем юная девушка — тонкая, бледная, с мягкими, ещё почти детскими чертами, с большими глазами, в которых уже жила боль. Но в этой боли было и другое: нечто очень хрупкое и очень красивое, то особое сияние молодости, которое иногда становится особенно заметным именно в минуты скорби. Светлые волосы чуть выбились из причёски, губы дрожали, но в осанке уже угадывалась решимость. Люсиль не выглядела сломленной. Она выглядела раненой. Она накинула плащ, проверила, нет ли за дверью шагов, и только потом вышла. Дом был тих. Слишком тих. Пока она шла по коридорам, ей казалось, что каждый угол, каждая тень, каждая закрытая дверь наблюдают за ней. Но никто не окликнул её. Никто не остановил. Венедикт, занятый своими делами, по-прежнему не собирался уезжать, и это ожидание сделалось почти пыткой. Люсиль шла быстро, но бесшумно. Внутри неё уже не было прежнего горя, которое только плачет. Теперь там родилось другое — страшное, ясное, неотступное знание. И с ним пришло решение. Ей нужно было попасть к Анри. Увидеть его. Спросить. И, может быть, впервые в этом кошмаре услышать не голос отца, а голос правды. Когда она вышла во двор, воздух показался ей особенно холодным. Она на мгновение остановилась, будто почувствовав, как за спи-

ной остаётся не просто дом, а целый мир, в котором ей больше нельзя доверять ничему. Потом Люсиль подняла голову и пошла дальше.

Глава 8. Похороны Клары

На третий день после смерти Клары замок де Ловель погрузился в траур. Чёрные знамёна свисали с башен тяжёлыми мокрыми складками. Дождь моросил с самого утра, и казалось, будто даже небо не хочет разрывать эту тишину. У входа в часовню горели свечи в серебряных подсвечниках, их пламя дрожало от сквозняка, отражаясь в тёмных каменных плитах и влажных латах. Слуги двигались бесшумно. Никто не говорил лишнего. Даже в коридорах, где обычно слышались шаги, лязг ключей и оклики, теперь стояла напряжённая, почти торжественная тишина. Дом будто замер, не желая признавать, что герцогиня мертва. Клара лежала в богато убранной часовне. Её гроб был сделан из тёмного резного дерева, обит бархатом и украшен гербами рода. По краям шла золотая вышивка, а на крышке покоился герцогский знак, вышитый серебром. Вокруг стояли высокие свечи, и их свет мягко ложился на ткань, на камень, на лица присутствующих. Клара и при жизни умела держать себя так, что даже смерть не могла лишить её достоинства. Адемар, вернувшийся в замок в день её гибели, увидел её сразу — и уже тогда понял, что это не было случайностью. Клара лежала мёртвая в главной зале, рядом с пустым тайником, и эта картина осталась у него перед глазами с той самой минуты. Сейчас, на похоронах, она снова вставала перед ним так же отчётливо, как будто всё случилось только что. Именно там она и была найдена. Именно там она, должно быть, пыталась остановить тех, кто добрался до документов. Священник читал молитвы глухим голосом. Слова поднимались под своды часовни и гасли в камне. Присутствовали вассалы, несколько знатных гостей, слуги дома и люди, пришедшие от городских властей. Все стояли с опущенными головами. Никто не произносил лишних слов. Гроб подняли рыцари. Когда процессия двинулась к семейному склепу, дождь усилился. На каменных плитах двора выступила тонкая влага, и каждый шаг оставлял тёмный след. Земля у склепа размокла, и это делало похороны ещё тяжелее, ещё безнадежнее. Клару похоронили рядом с Робером. И в этом было что-то особенно страшное — словно смерть окончательно сомкнула их обоих в одном молчании. Когда первая горсть земли ударила по крышке гроба, Адемар опустил взгляд. Он не плакал. Но чувствовал, как внутри всё сжимается от бессилия. Клара уже не могла рассказать, кого увидела в ту ночь. Не могла назвать тех, кто вскрыл тайник. Не могла подтвердить то, о чём Адемар и так уже догадывался. Осталась только память. И пустота. После погребения люди начали расходиться. Адемар остался у окна в опустевшей зале, глядя на дождь, который размывал очертания башен и двора. За стеклом всё казалось тусклым и далёким, будто сам замок медленно погружался в серую пелену. Теперь у него не оставалось сомнений. Клара погибла потому, что увидела слишком много. Она оказалась возле тайника в тот миг, когда документы ещё можно было спасти, и заплатила за это жизнью. А вместе с ними исчезло и завещание. Эта мысль тяжело легла на него. Если завещание украдено, значит, в чужие руки попала и тайна происхождения Анри. Тайна, которую Робер скрывал ото всех, даже тогда, когда, казалось, заботился о мальчике с почти отеческой неизменностью. Для всех Робер был лишь его покровителем, наставником, человеком, взявшим на себя заботу о чужом юноше. Но Адемар знал больше. Он знал истинную причину этой заботы. Именно завещание должно было раскрыть то, что Робер скрывал всю жизнь: Анри был его незаконнорожденным сыном. От этой мысли становилось ещё тревожнее. Если документы уже у врага, то Анри находится в смертельной опасности. Достаточно одного намёка, одного удобного обвинения — и его можно будет уничтожить, сделав из него виновного в краже, в убийстве, в заговоре. А вместе с бумагами исчезнет и последняя защита, которую Робер сумел для него оставить. Адемар медленно сжал пальцы. Он вспомнил, как Робер заботился об Анри — сдержанно, почти сурово, но с той внутренней теплотой, которая прячется глубже слов. Теперь этот долг переходил к нему. Не по крови. По правде. Он должен был защитить Анри так, как когда-то этого хотел Робер. Не дать утратить

его в чужую игру, не позволить обвинить и уничтожить, прежде чем откроется истина. Адемар оторвался от окна и прошёл к столу. Остаться в замке было нельзя. Ему предстояло ехать к королевскому судье и добиваться расследования смерти Клары, и исчезновения Манускрипта и завещания. Но прежде всего — прежде чем добраться до королевского судьи — ему нужно было заехать к нотариусу и забрать копию завещания, украденного из тайника. Без неё будет слишком сложно что-либо доказать. Это был его долг теперь. Тот самый долг, который Робер когда-то исполнял сам, скрывая правду от всех, пока не придёт время открыть её завещанием. Адемар накинул дорожный плащ. Перед выходом он ещё раз посмотрел на тёмные окна замка и тихо сказал: — Я позабочусь о нём. И вышел в дождь.

Глава 9. Люсиль

Смерть тёти Клары не оставляла Люсиль в покое. Клара была для неё не просто родственницей — чем-то вроде тихой опоры в семье, где слишком многое решали страх, власть и чужая воля. После её гибели в душе Люсиль осталась пустота, которую не мог заглушить ни привычный шум замка, ни отцовская строгость, ни ежедневный порядок, в котором всё должно было казаться неизменным. Но ничего неизменного больше не было. Слишком многое в этой истории выглядело тёмным и смутным. Слишком быстро нашлись те, кто уже знал, кого обвинить. И чем чаще Люсиль слышала имя Анри, тем сильнее ей казалось, что его судьбу уже решили заранее. Говорили, что ему грозит суд. Говорили даже, что он не выйдет из тюрьмы живым. Люсиль не могла отделаться от мысли, что это может быть ошибкой. Анри был ей чужим, почти незнакомым, и всё же в его молчании было что-то, что не вязалось с образом преступника. Он казался скорее человеком, которого удобно сделать виновным, чем тем, кто действительно способен на всё, что ему приписывали. И чем больше о нём говорили, тем меньше она верила в простую версию событий. Особенно после того разговора, услышанного случайно, проходя мимо открытой двери в боковом коридоре, Люсиль застала отца за разговором с Гуальтером. Она не собиралась подслушивать, но остановилась, услышав имя Клары. Отец говорил резко, вполголоса, и в его словах промелькнули какие-то документы, украденные у Клары. Тогда Люсиль уловила только обрывки, но этого оказалось достаточно, чтобы в её памяти осталось тревожное ощущение: речь шла не только о смерти, но и о бумагах, которые кто-то пытался забрать. С тех пор эта мысль не давала ей покоя. Если документы действительно были украдены, значит, смерть Клары могла быть связана не только с ней самой. Значит, в этой истории было нечто большее, чем она видела со стороны. И Люсиль должна была узнать, что именно скрывает отец. Она дождалась, когда епископ уедет. И только после этого решилась проникнуть в его покои. Люсиль ждала, пока замок стихнет. Она стояла у узкого окна и смотрела вниз, на двор, где слуги расходились по своим делам, а конюхи уводили лошадей. Когда топот копыт затих за стенами, она медленно отступила от стекла и пошла к лестнице. Покои отца находились в верхней части башни. У двери дежурил только один слуга, и Люсиль прошла мимо, будто шла по пустяковому делу. Он не задал вопросов. Через несколько шагов она достала маленький ключ. Дверь открылась почти бесшумно. Внутри было темно и тихо. Тяжёлые шторы не пропускали свет, камин давно остыл, и комната казалась закрытой, как сундук. Люсиль прикрыла дверь и на миг прижала ладонь к груди, унимая стук сердца. Пахло воском, сухими травами и старой бумагой. Она подошла к столу. На нём лежали счета, письма, печати и заметки отца. Люсиль быстро отодвинула их в сторону. Ей нужны были не эти бумаги. Она искала завещание и манускрипт. Сначала она открыла ящики стола. Первый был почти пуст, во втором лежали перья и нож для бумаги, в третьем — несколько сложенных писем, перевязанных лентой. Люсиль не тронула их. Её взгляд уже искал шкаф у стены. Шкаф был заперт. Она опустилась на колени и провела пальцами по замку. Старый, простой, не особенно надёжный. Отец, очевидно, не ждал, что кто-то станет его открывать. Люсиль достала шпильку из волос и, стараясь не дрожать, вставила её в скважину. Щелчок вышел тихим. Дверца приоткрылась. Внутри лежали свёртки, папки и перевязанные лентой пачки бумаг. Люсиль быстро вынула верхний свёрток. На нём был обозначен земельный документ — тот самый манускрипт, о котором она слышала обрывки разговоров. Она развернула край и увидела строки, списки, границы, старые обозначения владений. Всё это мало что говорило ей само по себе, но именно поэтому его так тщательно прятали: значение было не в красивых словах, а в праве, которое они подтверждали. Под ним лежал другой свёрток. Тоньше. Легче. И перевязан он был не так, как остальные. Люсиль замерла. Она уже знала, что это. Завещание. Она медленно провела пальцами по восковой печати и на мгновение задумалась, не совершает ли сейчас чего-то непопра-

вимого. Но мысль о тётке Кларе, о чужих намёках и о приговоре Анри вернула ей решимость. Если отец прячет этот документ, значит, он важен. Если он важен, значит, в нём есть правда. А если в нём есть правда, Люсиль должна была прочитать его сама. Она вынула оба свёртка. Но за дверью уже слышались шаги. Люсиль застыла. Ручка двери медленно шевельнулась. Она в последний миг отступила назад, быстро положила свёртки на место в шкаф и закрыла дверцу. Пальцы дрогнули, но она заставила себя выпрямиться и придать лицу спокойствие. Дверь открылась. На пороге стоял епископ. Он вошёл медленно, с тем выражением лица, которое надевал только в минуты раздражения.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. Люсиль опустила взгляд. — Ищу брошь, — сказала она тихо.

— Мамин подарок. Я думала, что оставила её здесь.

Епископ молча посмотрел на неё. Люсиль почувствовала, как по спине пробежал холод. Она знала: ложь должна быть простой. Чем проще, тем легче в неё поверить.

— Брошь? — переспросил он.

— Да, отец. Я не хотела беспокоить слуг. Думала, что она могла упасть здесь, когда я заходила в последний раз.

Он не ответил сразу. Только скользнул взглядом по комнате, по столу, по шкафу, по её рукам.

— Это память о матери, — добавила Люсиль. Пауза стала длиннее. — В следующий раз не входи сюда без разрешения, — сказал он наконец.

— Я не хотела нарушать порядок.

— Не хочешь — не нарушай. Люсиль кивнула. Епископ подошёл к столу, мельком взглянул на бумаги и ничего не сказал. Он явно не поверил ей до конца, но и доказать ничего не мог.

— Иди, — бросил он. Она поклонилась и вышла, стараясь не ускорять шаг. Только оказавшись за дверью, Люсиль позволила себе вдохнуть глубже. Брошь была ложью. Но теперь ей нужна была новая возможность. И, главное, время.

Глава 10. Фальк

После той ночи Люсиль уже не сомневалась: взять бумаги самой она не сможет. Слишком пристально теперь следили за дверями. Слишком хорошо отец умел замечать перемены. Стоило ей сделать ещё одну попытку, и всё кончилось бы не просто подозрением — наказанием, после которого ей уже не позволили бы даже приблизиться к тем комнатам, где хранилась правда. Но мысль о завещании и манускрипте не отпускала её. Если она не могла забрать документы, значит, нужно было получить хотя бы их копии. Прочитать. Сопоставить. Понять, что именно скрывали от неё, что связывало смерть тёти Клары с Анри и почему отец так цепко держал эти бумаги при себе. И тут она вспомнила о Фальке. Он был писцом епископа — тихим, незаметным человеком, который проводил дни среди чернил, пергамента и печатей. Люсиль почти не замечала его раньше, но он всегда был рядом: в скриптории, в приёмной, у стола, когда отец диктовал письма. Фальк смотрел на неё иначе, чем другие. Слишком долго, слишком внимательно, с выражением, которое он сам, вероятно, считал скрытым. Люсиль знала это выражение. И решила воспользоваться им. Она нашла его поздно вечером, когда коридоры уже пустели, а в скриптории горела одна-единственная лампа. Фальк поднял голову при её появлении и сразу же смутился, словно не ожидал, что она придёт одна.

— Мне нужен твой совет, — сказала Люсиль. Он встал так быстро, что едва не опрокинул чернильницу.

— Мой?

Она кивнула и, не давая ему времени прийти в себя, тихо произнесла:

— Мне нужны копии двух бумаг. Завещания и земельного манускрипта.

Фальк побледнел.

— Это невозможно.

— Для тебя — возможно.

Он посмотрел на неё с тревогой.

— Ваш отец...

— Не должен знать.

Фальк молчал, и Люсиль увидела, как в нём борются страх и чувство, которому он не находил названия. Она не просила — она почти шептала, и этого оказалось достаточно, чтобы он сделал шаг навстречу.

— Зачем вам это? — спросил он. Люсиль опустила глаза.

— Чтобы узнать правду о Кларе.

Имя тёти подействовало на него сильнее, чем она ожидала. Фальк дёрнулся, словно удавили не его, а кого-то рядом. Он был влюблён в неё — не смело и не открыто, а тем бесконечно опасным чувством, которое делает человека согласным на глупость, лишь бы оказаться полезным.

— Я сделаю, что смогу, — сказал он наконец. Люсиль подняла на него взгляд.

— Ты понимаешь, чем это грозит?

— Да.

— И всё же согласен?

Фальк кивнул. Этого было достаточно. Он начал работать той же ночью. Сначала с завещанием. Люсиль ждала за дверью скриптория, пока он переписывал строки, старательно выводя буквы, следя за печатью, за порядком формулировок, за каждым знаком, который мог выдать смысл документа. Время тянулось мучительно медленно. Наконец дверь приоткрылась. Фальк передал ей свиток.

— Только это, — прошептал он.

— Манускрипт ещё в шкафу. Я не успел. Люсиль взяла копию, и пальцы их на миг коснулись друг друга.

— Спасибо, — сказала она тихо. Он смотрел на неё так, будто хотел сказать что-то ещё, но не решился.

— Я вернусь, — добавила Люсиль.

— Мне нужна и вторая бумага.

— Это опасно.

— Я знаю. Она спрятала копию под плащ и ушла прежде, чем он успел передумать. Но отец оказался быстрее, чем они предполагали. Когда Фальк вернулся к работе над манускриптом, в скрипторий вошёл слуга епископа. Он не принёс ни свечу, ни приказ — только пристальный взгляд, от которого Фальк тут же напрягся. Слуга увидел чернильный лист, разложенный на столе, заметил рядом оригинал, затем переведённые строки и всё понял. Ему хватило одного взгляда, чтобы догадаться: Фальк не просто переписывает — он крадёт.

— Что ты делаешь? — спросил он. Фальк отступил на шаг, но уже было поздно.

— Ничего, — сказал он слишком поспешно. Слуга усмехнулся. — Для епископа это будет очень похоже на предательство. Фальк бросился к двери, но тот оказался сильнее и быстрее. Он ударил его в грудь, сбил с ног и вырвал у него листы. Фальк пытался сопротивляться, но всё происходило слишком стремительно. В крике слуги уже звенела не просто злость — уверенность человека, который понял, что перед ним изменник. Шум привлёк стражу. Когда епископ появился в дверях скриптория, Фальк уже лежал на полу, прижатый к камню, с разорванными бумагами рядом. Лицо его было белым от ужаса.

— Ваше преосвященство, — сказал слуга, тяжело дыша, — он копировал манускрипт. Епископ взглянул на стол, на листы, на чернильницу, на брошенные перья. Потом — на Фалька.

— Это правда?

Фальк попытался что-то сказать, но из горла вырвался только сдавленный звук. Епископ молчал очень долго. Лицо его оставалось неподвижным, почти спокойным, и от этого было ещё страшнее.

— Ты знал, что делаешь, — произнёс он наконец. Фальк закрыл глаза. Его не слушали. Не оправдывали. Не спрашивали. Слуга ударил первым. Всё произошло быстро и жестоко. Когда всё закончилось, епископ не шевельнулся. Он смотрел на тело Фалька так, словно это было не убийство, а исправление ошибки. Люсиль узнала об этом позже. Копия завещания лежала у неё под плащом, и даже она, добившись своего наполовину, не почувствовала облегчения. Только холод. И страх за то, что ещё не прочитано, но уже пролило кровь.

Глава 11. Нотариус.

Едва рассвело, старый Адемар Де Ловель покинул город и направил коня по холодной пустой дороге к дому нотариуса. Мысли его возвращались к Роберу — племяннику, герцогу и главе древнего дома Де Ловель, чьи предки сражались рядом с королями, защищали корону и пользовались доверием королевской семьи. Теперь Робер был мёртв, Клару жестоко убили, а Анри, известного всем как сироту, которого покойный герцог когда-то взял под своё покровительство, объявили преступником. Только Адемар знал, что за этой скромной историей скрывается тайна, способная изменить судьбу всего рода. У нотариуса могла храниться копия завещания Робера — документа, который открывал истинное происхождение Анри и доказывал его право на наследство. Адемар понимал: если завещание уничтожено, Анри могут убить, чтобы вместе с ним исчезла и последняя надежда дома Де Ловель на правду. Дорога к дому нотариуса тянулась вдоль замёрзшего канала. Адемар ехал молча, погружённый в тревожные мысли. Он знал: если копия завещания действительно сохранилась, то люди епископа тоже вскоре попытаются добраться до нотариуса. Нужно было успеть раньше них — получить документ и скрыться, прежде чем враги поймут, что именно он ищет. Позади раздался стук копыт. Адемар обернулся. В тумане показались тёмные силуэты всадников. Они держались на расстоянии, но не скрывались. Их было трое.

— Похоже, за нами следят, — сказал Адемар. Рядом ехал слуга Анри, придерживая за уздечку свою гнедую кобылу Красотку.

— За нами всегда кто-нибудь следит, господин, — ответил он.

— Но обычно это я слежу за тем, чтобы Красотка не съела чужой капусты. Кобыла громко фыркнула.

— Не обижайся, красавица. Правда иногда звучит неприятно.

— Нам нужно оторваться от них, — сказал Адемар.

— Тогда придётся ехать быстрее.

Слуга пришпорил Красотку, но та упрямо остановилась и потянулась к придорожному кусту.

— Сейчас не время завтракать!

Кобыла невозмутимо продолжила жевать. Адемар впервые за всё утро позволил себе короткую улыбку, но тревога тут же вернулась. Преследователи приближались. Они не знали, что именно ищет Адемар, однако наверняка получили приказ не выпускать его из виду.

— Брось её, если понадобится, — сказал Адемар.

Слуга возмущённо взглянул на него:

— Красотку? После всего, что она для нас сделала?

— Она ещё ничего не сделала.

— Уже сделала. Не дала нам уехать прямо навстречу врагам. У неё прекрасное чувство опасности. Правда, проявляет она его довольно медленно. Впереди показалась каменная ограда дома нотариуса. Адемар направил коня к воротам и крепче сжал поводья. Времени оставалось мало. Им предстояло попасть внутрь, предупредить нотариуса и получить копию завещания раньше людей епископа. За спиной снова послышался топот. На этот раз преследователи были совсем близко. Адемар едва успел подъехать к воротам, как из-за поворота вылетели трое всадников. Их плащи были застёгнуты наглухо, лица скрывали капюшоны, но на груди первого тускло блеснул серебряный знак епископской канцелярии.

— Отойдите от ворот! — крикнул он.

— Именем епископа приказываю вам остановиться!

Слуга Анри натянул поводья Красотки.

— А если мы не остановимся?

— Тогда остановим вас силой.

— Очень невежливо, — заметил слуга.

— Особенно с утра.

Первый всадник выхватил меч. В тот же миг Адемар спрыгнул с коня и обнажил шпагу. Несмотря на возраст, двигался он уверенно: годы службы и дуэлей не позволили руке забыть привычку к оружию. Нападавший бросился вперёд, но Адемар отвёл удар и полоснул его по плечу. Тот отшатнулся, стиснув зубы. Двое других окружили слугу. Красотка испуганно заржала и попятилась.

— Спокойно, девочка! — крикнул слуга, уворачиваясь от клинка. — Они просто хотят познакомиться. Правда, манеры у них отвратительные! Он дёрнул поводья, и Красотка неожиданно рванула в сторону. Нападавший не успел отскочить и рухнул в грязь. Слуга посмотрел на него сверху вниз.

— Вот видите? Она очень гостеприимна. Всегда провожает гостей до земли. Но второй всадник уже занёс меч. Адемар оказался рядом и принял удар на свою шпагу. Клинки скрестились. Противник был моложе и сильнее, однако Адемар не отступал.

— Где нотариус? — процедил нападавший.

— Спросите у епископа, — ответил Адемар.

— Он, кажется, привык распоряжаться чужими жизнями. В глубине двора раздался грохот. Затем из окон дома вырвался дым. Адемар резко повернул голову.

— Они уже внутри.

— Значит, мы опоздали, — сказал слуга.

Из дома донёсся приглушённый крик. Через мгновение одно из окон вспыхнуло. Адемар отбил последний удар и оттолкнул противника. Не обращая внимания на преследователя, он бросился к воротам. Слуга последовал за ним, таща за собой упрямую Красотку. Дверь нотариальной конторы была распахнута. Внутри всё было перевернуто: бумаги валялись на полу, шкафы стояли открытыми, а вдоль стен уже ползли языки огня. У стола лежал нотариус. Его рука была прижата к груди, пальцы сжимали окровавленный край камзола. Адемар опустился рядом с ним.

— Кто это сделал? Нотариус попытался вдохнуть, но кровь выступила у него на губах.

— Пришли... люди епископа... — прошептал он.

— Требовали... записи... Завещание...

— Где документ? Старик с трудом поднял руку и указал на раскрытый шкаф.

— Забрали... всё... оригинал... копию... даже запись в книге... Он судорожно схватил Адемара за рукав.

— Не дайте... им... уничтожить... имя... Голова его бессильно откинулась.

— Нотариус! — позвал Адемар. Ответа не было. Слуга замер у двери. За его спиной Красотка тревожно переступала копытами.

— Господин Адемар, — сказал он уже без улыбки, — нам нужно уходить. Дом сейчас рухнет. С потолка посыпались горящие щепки. Дым быстро заполнил комнату. Адемар поднялся и в последний раз оглядел контору. Документы на землю исчезли. Нотариус был мёртв. Завещание и все упоминания о нём забрали люди епископа. Но теперь Адемар окончательно понял: враги боялись не слухов, а правды.

— Уходим, — приказал он. Они выбежали во двор. Один из людей епископа попытался преградить дорогу, но Красотка неожиданно встала на дыбы и ударила копытами по его щиту. Мужчина отшатнулся, выругавшись.

— Я же говорил, — крикнул слуга, — она не любит грубых людей! Адемар вскочил в седло. Позади него пылала контора нотариуса, а над крышей поднимался густой чёрный дым. Люди епископа уже садились на коней.

— Нам нужно к королевскому судье! — сказал Адемар.

— Теперь мы должны добиться расследования без завещания.

— А если они снова нас догонят?

Адемар посмотрел на огонь, поглотивший последние свидетельства.

— Тогда будем надеяться, что у Красотки достаточно злости на всех них. Кобыла громко фыркнула и рванула с места, увлекая их прочь от горящей конторы и людей епископа.

Глава 12. Замок тёти

В замке епископа ночь никогда не казалась полной. Даже после полуночи в узких окнах горели свечи, в коридорах слышались осторожные шаги, а за тяжёлыми дверями шептались люди, которым было что скрывать. Ветер бился в каменные стены, и каждый его порыв напоминал далёкий стон. В высокой башне, где находились покои епископа, огонь в камине почти погас, но хозяин замка не приказывал подбросить дров. Епископ стоял у окна, заложив руки за спину. Внизу, во дворе, возвращались его люди. Их лошади были покрыты пеной, на плащах темнели пятна грязи и копоти. Один из всадников держал под мышкой небольшой кожаный футляр. Епископ дождался, пока дверь за ними закроется, и только тогда повернулся.

— Вы опоздали, — произнёс он.

Перед ним стоял высокий человек в тёмном дорожном плаще. Его звали Гуальтер. Он много лет служил епископу и был единственным, кому тот позволял входить в свои покои без предупреждения. Лицо Гуальтера оставалось бесстрастным, но на рукаве виднелась свежая царапина.

— Мы прибыли раньше Адемара, — ответил он.

— Но нотариус оказал сопротивление.

— Он мёртв?

— Да.

Епископ медленно подошёл к столу.

— А контора?

— Сожжена.

Епископ кивнул и перевёл взгляд на футляр.

— Бумаги?

Гуальтер положил футляр на стол и открыл его.

— Копия завещания и записи.

Епископ бегло просмотрел бумаги.

— Адемар?

— Опоздал.

— Хорошо.

Гуальтер молчал. Епископ закрыл футляр и отодвинул его в сторону.

— Вы снова сработали грязно.

— Мы взяли бумаги.

— И убили мою сестру.

— Она бы не позволила нам вскрыть тайник.

Тишина повисла на несколько мгновений.

— Бумаги, по крайней мере, вы добыли, — холодно добавил епископ.

— В следующий раз постарайтесь без крови.

— Понял.

— Анри должен остаться виновным.

— Да.

— И не выйти живым из тюрьмы.

— Будет сделано.

Епископ повернулся к окну. Во дворе уже начинало светлеть, но в комнате по-прежнему держался ночной холод. Он стоял неподвижно, глядя в темнеющее стекло, и лицо его оставалось таким же каменным, как стены замка.

Адемар вернулся от нотариуса с тяжёлым сердцем. Ему не удалось получить ничего. Ни копии завещания, ни записи в книге, ни даже обрывка той правды, за которую он ещё надеялся

ухватиться. Слуги епископа оказались быстрее: они уже побывали здесь раньше, перевернули контору, забрали документы и оставили после себя только пепел, кровь и обугленные края бумаг. Теперь у него не было ни одной надёжной опоры. Адемар стоял у окна в тишине замка, глядя, как над двором медленно сгущается вечер. Руки его по-прежнему помнили тяжесть дороги, а мысли — горечь поражения. Без завещания он не знал, с чем ехать к королевскому судье. Одних слов было мало. Подозрений — тем более. И всё же тревога его была не только о деле. Он думал об Анри. Слишком долго этот юноша оставался тенью в чужих интригах, слишком легко его можно было сделать удобным виновным. Если враги так упорно уничтожали документы, если они уже успели добраться до нотариуса, значит, их страх был не случаен. Они боялись не слухов — они боялись правды. А правда, заключённая в завещании, могла решить не только судьбу наследства, но и судьбу Анри. Адемар медленно сжал пальцы. Он знал, что Робер скрывал правду не из жестокости, а из осторожности. Всю жизнь он оберегал Анри, как покровитель и наставник, не раскрывая причины своей заботы. И именно завещание должно было открыть то, о чём не знали другие: Анри был незаконнорожденным сыном Робера, и потому вопрос о наследстве земель становился ещё опаснее. Если бумага исчезла, то исчезла не только улика. Исчезла и защита. Адемар опустил взгляд на стол, будто надеялся увидеть на нём хоть какую-то подсказку, но перед ним была только пустота. С чем теперь ехать к королевскому судье? Без копии завещания его слова могут не принять всерьёз. Без доказательств дело утонет в чиновничьей осторожности, в страхе и в чём-то заранее подготовленном обвинении. И тогда Анри окажется один перед теми, кто уже готов вынести приговор. Эта мысль не давала покоя. Адемар поднял голову, когда за окнами раздался стук копыт. Сначала одинокий, потом всё ближе и отчётливее. Во дворе послышались голоса, резкие оклики слуг, скрип дверей. Адемар обернулся к окну. У ворот остановилась карета, и почти сразу из неё вышла молодая девушка, в которой он узнал любимую племянницу Клары, в дорожном плаще. Люсиль. Она ехала сюда долго и тревожно. Дорога к замку тёти тянулась через влажные поля и тёмные рощи, где после недавнего дождя земля блестела, как чёрное стекло. По обочинам шуршали тяжёлые травы, а низкое небо нависало над дорогой так близко, словно готово было опуститься на колёса кареты. Люсиль то и дело прислушивалась к малейшему звуку снаружи: ей чудилось, что люди отца уже рядом, что они вот-вот нагонят её и вернут назад. Но чем дальше уходила дорога, тем сильнее становилось другое чувство — не страх, а решимость. Ей нужно было добраться до Адемара. Замок тёти показался к вечеру, когда сумерки уже сгущались над холмами. Он стоял мрачно и неподвижно, будто и сам знал, что в его стены сейчас войдёт беда. Люсиль встретили без лишних вопросов. Слуги ещё не догадывались, насколько опасна была её поездка, и потому приняли её как усталую родственницу, попросившую о встрече. Её проводили в боковую гостиную, где она вынуждена была ждать под тихий треск огня и старый скрип дома. Каждая минута тянулась мучительно. Люсиль думала об Анри. О том, что он, возможно, в этот самый час сидит в цепях или стоит под чужими взглядами, где каждое слово против него заранее принято за правду. Он не был человеком, который умел просить помощи. Если его прижали, он мог предпочесть молчание любому оправданию. Когда дверь наконец открылась, Люсиль поднялась, стараясь сохранить достоинство перед человеком, которого уважала и в чьей помощи отчаянно нуждалась. Адемар вошёл медленно, с выражением настороженности на лице. Его взгляд скользнул по Люсиль, потом по комнате, будто он не был уверен, что здесь безопасно даже говорить.

— Люсиль? — произнёс он.

— Да, месье Адемар. Мне нужна ваша помощь. Она не стала тратить время на осторожные фразы. Достала свёрток из сумки и положила на стол.

— Это копия завещания. Адемар не сразу прикоснулся к нему.

— Откуда оно у вас?

— Я взяла его у отца.

Он резко поднял на неё глаза.

— Вы понимаете, что натворили?

— Понимаю. Но если бы я ничего не сделала, Анри был бы уже обречён. При этом имени Адемар замер. Люсиль увидела, что попала в самое больное место.

— Вы знаете, что против него готовят? — спросила она.

— Его хотят не просто осудить. Его хотят убить, прежде чем он сможет оправдаться.

Адемар медленно сел напротив.

— Откуда вы это знаете?

— Из всего, что слышала. Из того, как говорят о Кларе. Из бумаг, которые отец прячет. Из того, как спешат обвинить Анри, будто приговор уже вынесен. Она подалась вперёд.

— Если завещание подтверждает то, о чём я думаю, Анри может быть не виновен. Или, по крайней мере, не тем, за кого его выдают. Но без этой бумаги никто не станет слушать. Адемар долго молчал. Потом осторожно развернул копию и пробежал глазами первые строки. Чем дальше он читал, тем сильнее темнело его лицо.

— Это не просто завещание, — сказал он наконец.

— Я знаю.

— Здесь есть то, о чем никто знать не должен. А манускрипт? Ты видела его?

— Не только видела, я его читала. И, если я не ошибаюсь, оба эти документа, объясняют, почему именно Анри оказался в центре всего этого.

Адемар поднял голову.

— Да. Если Анри ещё жив и если у нас есть хоть малейший шанс спасти его, медлить нельзя.

Люсиль сжала пальцы.

— Значит, вы поможете?

Он сложил бумагу и поднялся.

— Я отправлюсь к королевскому судье. Сегодня же. Но теперь уже не с пустыми руками.

Люсиль почувствовала, как надежда и страх столкнулись в ней сразу. Если судья увидит эту копию, дело можно будет перевернуть. Если же отец успеет первым, Анри погибнет, а правда снова окажется похоронена под чужими обвинениями. Адемар взял свёрток крепче, словно в нём уже была не просто бумага, а единственный шанс на спасение.

— Теперь главное — не опоздать, — тихо сказал он. И в его голосе Люсиль впервые услышала не только тревогу, но и решимость.

Глава 13. Побег Анри

Люсиль подъехала к зданию суда с таким чувством, будто сама дорога вела её не к людям, а к беде. Небо было низким, серым, почти бесцветным. Каменные стены суда, мокрые после ночной сырости, казались ещё тяжелее и мрачнее обычного. У входа толпились стражники, слуги епископа, писцы, какие-то мелкие чиновники — все говорили вполголоса, но в этом шёпоте уже чувствовалось то особое напряжение, которое бывает перед несправедливым приговором. Не перед судом — перед расправой. Люсиль ещё не успела спешиться, как заметила Жужфуа. Он стоял чуть в стороне, рядом с лошадью, и лицо у него было бледным, напряжённым, словно он не спал всю ночь. Обычно он держался с привычной своей осторожной деловитостью, но теперь в его движениях было что-то почти лихорадочное. Он ждал только её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.